

В 2015 году исполняется 190 лет со времени восстания на Сенатской площади. Мы немного забегаем вперёд, публикуя материалы о декабристах: в год культуры, который проходит в нашей стране, невозможно не вспомнить о людях, оставивших неизгладимый след в развитии культуры, Сибири — прежде всего. «Декабристы внесли в поведение человека единство, — писал Ю. М. Лотман, — но не путем реабилитации жизненной прозы, а тем, что, пропуская жизнь через фильтры героических текстов, просто отменили то, что не подлежало занесению на скрижали истории. Прозаическая ответственность перед начальниками заменялась ответственностью перед историей, а страх смерти — поэзией чести и свободы. „Мы дышим свободой“, — произнес Рылеев 14 декабря на площади. Перенесение свободы из области идей и теорий в „дыхание“ — в жизнь. В этом суть и значение бытового поведения декабриста».

«Декабристы всегда
интересны и вызывают самые
серьёзные мысли и чувства»
Л. Толстой

ИРКУТСК И ДЕКАБРИСТЫ

Город Иркутск — благодарный наследник трех с половиной столетий русской истории. В его памяти с казаками-первопроходцами соседствуют великие православные Святители, смелые покорители Русской Америки и создатели русского Приамурья и Приморья, бесстрашные исследователи сибирских просторов и недр и ссыльные декабристы. Об этом свидетельствуют памятники и памятные доски, дома и музеи, названия улиц, площадей, мостов. Есть в этом богатом списке три дома, принадлежавших когда-то декабристам, есть небольшой декабристский некрополь, есть два переулочка, названных в честь декабристов С. П. Трубецкого и С. Г. Волконского, есть, наконец, Иркутский музей декабристов, который бережно хранит память о невольных сибиряках.

Почти сто девяносто лет отделяют нас от событий 14 декабря 1825 года. Этот день не только круто изменил судьбы конкретных людей, инициаторов и участников восстания на Сенатской площади, но и весь ход российской политической истории. Участников тайных обществ Александровской эпохи, осужденных на ссылку и каторгу в Сибирь, еще при их жизни называли декабристами. Для большинства из них Сибирь стала главным «житейским поприщем»: многие провели здесь большую часть своей жизни, некоторые навсегда остались лежать в сибирских могилах. Декабристы, следовавшие к местам каторжных работ и ссылки, практически все проехали через Иркутск. В нашем городе за тридцать лет сибирского изгнания проживали в разные годы восемнадцать декабристов. Эти энциклопедически образованные люди, воплощавшие в своей общественной деятельности идеи патриотизма, высокой гражданственности и гуманизма, вольно или невольно влияли на сибирскую культуру и общественное сознание. В письмах и воспоминаниях декабристов и их современников сибиряков предстает образ Иркутска и декабристов в нем.

Каким увидели наш город декабристы? Как и чем встретила их столица Восточной Сибири? Что унаследовало иркутское общество от общины с опальными русскими аристократами, рыцарями и романтиками? Какую память хранят иркутяне о декабристах? Об этом мы попытаемся рассказать в нашей статье.

Ольга Аркадьевна Акулич

Заместитель по научной
работе директора Иркутского
областного историко-
мемориального музея
декабристов

Фотографии,
иллюстрирующие материал,
см. в рубрике
«Наш фоторепортаж»
на 1–4 страницах обложки

Все, кто писал об Иркутске начиная с XVII столетия, обращали внимание на красоту общего его вида. Особенное великолепие иркутскому ландшафту придает, несомненно, Ангара. На склоне лет княгиня Мария Волконская вспоминала: «Приехав в Иркутск, главный город Восточной Сибири, я нашла его красивым, местность чрезвычайно живописною, реку великолепною, хотя она и была покрыта льдом. Я пошла прежде всего в первую церковь, которая мне встретилась, чтобы отслужить благодарственный молебен: служивший священник оказался впоследствии настоятелем в нашей тюрьме»¹.

Первое знакомство с Иркутском для большинства декабристов состоялось в 1826–1828 годах, когда их, закованных в кандалы, привозили партиями в Иркутский тюремный замок. Изможденные трудным и суровым путешествием, порой больные и смертельно уставшие, они были озабочены тем, что ожидает их дальше, на каторге. Сибирь в целом, а точнее сибиряки, среди которых декабристам предстояло жить, оставили первые добрые впечатления у благородных узников. Декабрист Н. В. Басаргин вспоминал: «Чем далее мы подвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. <...> Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора. Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов. Никому и дела не было, какое он сделал преступление, и слово «несчастный», которым звали сибиряки сосланных, очень хорошо выражает то понятие, которое они себе составили о них»².

Участие к декабристам проявлял не только простой народ, но и иркутские архипастыри. Архиепископ Иркутский Михаил (Бурдуков) в 1827 году посетил декабриста М. М. Нарышкина в тюремном замке и благословил его в суровый каторжный путь. В 1840-е годы к преосвященному иркутскому владыке Нилу (Исааковичу) за благословением и советами приходили

С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, И. И. Пущин и другие декабристы.

Второе знакомство декабристов с Иркутском состоялось по возвращении из-за Байкала в 1830-х годах. Тогда, освобожденные от каторжных работ, они разъезжались на поселение в разные села и деревни необъятной Сибири. Бывая в домах иркутских купцов и чиновников, декабристы были приятно удивлены книжными и художественными собраниями иркутян, их интересом к музыке и литературе. В домах иркутских купцов Е. А. Кузнецова, В. Н. Баснина, семьи Трапезниковых декабристы обрели не только приют, приятное общество, но и материальную поддержку. Иркутские купцы дорого ценили свою дружбу с «государственными преступниками» и их женами, всячески поддерживали декабристов, ссужали деньгами и служили тайными курьерами в переписке с Россией.

Третье и последнее приобщение декабристов к Иркутску в 1840-х годах стало своеобразным прорастанием в него. Семьи Волконских и Трубецких добились разрешения для своих родных переехать на постоянное жительство в Иркутск. Несколько позже в город переселились декабристы П. А. Муханов, А. В. Пождио. После амнистии городским домом обзавелся декабрист В. А. Бечаснов.

Волконские купили участок земли за Преображенской церковью. Сергей Григорьевич организовал перевозку своего дома, построенного девятью годами ранее в с. Урик. К 1847 году сборка дома в Иркутске завершилась, и семья декабриста разместилась в расширенном и обновленном доме. Дом, возведенный в традиции классических дворянских особняков того времени, вместе с тем был отмечен особенностями сибирского деревянного зодчества. Все комнаты первого и второго этажей соединялись дверями, образующими кольцевую анфиладу. В южной части дома на втором этаже был устроен зимний сад. Дом Волконских стал одним из центров иркутской общественной жизни. Княгиня Мария Николаевна Волконская была душой литературных, музыкальных и театральных вечеров, проходивших в ее гостиной.

В один год с М. Н. Волконской на жительство в Иркутск переехала и Е. И. Трубецкая с детьми. Сергей Петрович сначала навещал жену и детей наездами из Оёка, а затем с молчаливого согласия местных властей остался жить в Иркутске. Трубецкие поселились близ иркутского Знаменского монастыря в деревянном доме в четырнадцать комнат с мезонином, бывшей даче иркутского губернатора И. Б. Цейдлера. Рядом с домом располагался прекрасный сад. С. П. Трубецкой в Сибири занимался изучением положения крестьянства и состояния волостного правления Восточной Сибири, сельским хозяйством, садоводством, медициной, орнитологическими и метеорологическими наблюдениями, педагогикой, участвовал в разработке золотых приисков. Княгиня Екатерина Ивановна была радушной хозяйкой, поэтому в ее доме часто собиралась передовая молодежь Иркутска, молодые чиновники, служившие под началом генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, да и сам губернатор с супругой бывали у Трубецких.

Дома Трубецких и Волконских стали пристанищем для всех декабристов, проездом посещавших Иркутск. Здесь подолгу гостили декабристы И. И. Пущин, И. Д. Якушкин, Н. А. Бестужев, постоянно навещались к друзьям П. А. Муханов, А. В. Поджио и М. К. Юшневская.

Иркутск, будучи административной столицей Восточной Сибири, в это время быстро и динамично развивался, всё более приобретая европейское лицо. Еще в 1820-х годах в оценке иркутян-старожилов звучала надежда на блестящее будущее Иркутска: «...наш город действительно недурен и не беден, если принять в соображение отдаленность его от России и ту медленность, с какою он оживлялся в продолжение почти двух столетий. Тобольск старше Иркутска, целым почти столетием, но Тобольск уже отжил свой век, а Иркутск только вступил в период цветущей жизни и, быть может, никогда не состарится»³.

Цветущий губернский город в середине XIX века насчитывал почти две с половиной тысячи домов, в которых проживало около семнадцати тысяч жителей. Здесь активно развивались образование и просвещение. К 1845 году, моменту

переезда декабристов в Иркутск, в нем существовали Мужская классическая гимназия (1805 г.) и Духовная семинария (1780 г.), Девичий институт Восточной Сибири (1845 г.) и Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой (1838 г.), училище для детей канцелярских служащих (1836 г.) и три приходских начальных училища. В начале 1850-х годов в городе открылись еще два женских учебных заведения.

Некоторые дети декабристов получили в Иркутске солидное классическое образование. Михаил Волконский окончил губернскую гимназию; Девичий институт Восточной Сибири — Елизавета и Зинаида Трубецкие, Ольга Бечаснова, Софья Раевская. Перед отъездом из Сибири князь С. П. Трубецкой в знак благодарности подарил часть своей библиотеки Девичьему институту, а его дочери пожертвовали церковные предметы для украшения новой институтской домово́й церкви. Книги эти ныне хранятся в редком фонде Научной библиотеки ИГУ.

В Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой, что через дорогу от дома Волконских, в разные годы учились дочери декабристов Анна и Юстина Кюхельбекер, Надежда Лисовская, Зинаида Бечаснова. В жизни первой женской школы Восточной Сибири принимали деятельное участие княгини Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская и сестра декабриста С. Г. Волконская. Они оплачивали содержание девочек-сирот из иркутских семей.

В 1851 году в Иркутске открылся первый профессиональный театр. На его сцене в числе других исполнялись и драматические произведения иркутянина Н. А. Полевого «Параша — сибирячка» и «Дедушка русского флота». Частыми зрителями на премьерах и бенефисах Иркутского театра 1850-х годов были Волконские. Княгиня Мария Николаевна арендовала для этих целей собственную ложу. К слову, в доме Волконских еще в 1840-х годах ставились домашние спектакли, актерами в которых были иркутские подростки, приятели и одноклассники Миши Волконского.

Среди культурных начинаний, объединявших интересы сибиряков и декабристов, было садоводство. Зимние сады, оранжереи, «ананасные

заведения» существовали и развивались параллельно в усадьбах декабристов и состоятельных иркутян. Особенную роль в этом деле сыграл просвещенный купец В. Н. Баснин. Он получал новые виды растений со всех уголков планеты и щедро делился своими приобретениями с княгинями Трубецкой и Волконской.

Амнистия 1856 года завершила сибирскую эпопею декабристов. Те 32 декабриста, которые дожили до этого счастливого дня, получили право вернуться в Европейскую Россию. Не все смогли и захотели этим правом воспользоваться. Так, Сергей Петрович Трубецкой не хотел покидать могилу его дорогой супруги Екатерины Ивановны, и лишь настоятельные просьбы детей подтолкнули его к отъезду. «...и не без грусти расстанусь с Иркутском...», — писал князь Трубецкой накануне отъезда⁴. И в этой фразе чувствуется не только горечь расставания с могилами любимых жены и детей, а также товарищей-декабристов, но и память о месте, где он был счастлив в своей большой семье, где был принят и уважаем местным обществом, где обрел новых товарищей и почитателей. Иркутск для декабристов не был безводной духовной пустыней, но стал частью их судеб.

Так каков же был Иркутск? Очевидно, что город не был глухой провинцией, здесь бурно развивалась коммерция, накапливались знания об экономике и географии, богатели библиотеки при учебных заведениях, был даже уникальный в своем роде музей, в иркутских домах поскрипывали перьями летописцы разных сословий, в женских школах иркутские барышни постигали премудрости светского этикета. В целом иркутское общество, особенно его молодое поколение, было чутко и восприимчиво ко всему новому.

Рядовой иркутский чиновник А. Падерин, современник декабристов и генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, так характеризовал современную ему действительность: «Он (Н. Н. Муравьев. — О. А.) пробудил край от вековой спячки; явилось сознание, что не одни только личные интересы, но и интересы общественные и государственные должны занимать каждого рассуждающего человека и гражданина. Край оживился. Заговорили

о неотложной необходимости школ для народа, которых до того было очень немного и только в центрах, густо населенных. В то время декабристы кончили сроки наказания и были расселены по разным городам и селениям Сибири. Волконские, Трубецкие, Юшневские и другие были поселены в деревнях близ Иркутска. Муравьев позволил им жить в Иркутске. Они жили тихо. Их деликатное обращение со всеми и порядочность, стремление пробудить в других сознание человеческого достоинства оказали полезное в нравственном отношении влияние, можно сказать, на весь город»⁵.

Благодарные потомки воздают должное памяти декабристов, выдающихся людей своего поколения, для которых Сибирь стала второй родиной. Образ жизни декабристов и их замечательных жен в сибирском изгнании воссоздан сегодня в экспозициях Иркутского историко-мемориального музея декабристов, их мыслями и чувствами наполнены страницы писем и мемуаров, опубликованных в серии «Полярная звезда», традиции литературно-музыкальных салонов Волконских возрождены в традиционном фестивале «Декабристские вечера». Мемориальные дома декабристов стали ядром формирования историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». Высокие образцы дворянской культуры, посеянные в подготовленную почву, принесли богатые плоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки княгини М. Н. Волконской. Чита, 1956. С. 58.

² Басаргин Н. В. Записки // Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 117–118.

³ Александров М. Воздушный тарантас, или Воспоминание о поездке по Восточной Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 436.

⁴ Письмо П. Н. Свистунов от 10 октября 1856 года // Трубецкой С. П. Матер. о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 255.

⁵ Падерин А. М. «Записки сибиряка» // Земля Иркутская. 1995. № 4. С. 60.